
НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Г.Ж. БОЛАТОВА

СВОЕОБРАЗИЕ НОЧНОГО ПЕЙЗАЖА В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ «ПУТЬ АБАЯ» И ЕГО ВОССОЗДАНИЕ В РУССКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

Ночной пейзаж – один из наиболее часто встречающихся приемов в художественной литературе. Нет, пожалуй, ни одного из известных писателей русской и казахской литературы, в творчестве которых не звучали бы пейзажные мотивы, связанные с образом ночи. Вспомним «Ночь перед Рождеством», другие повести и рассказы Н.В. Гоголя, «Бежин луг» И.С. Тургенева или «Ночь» Ю. Казакова, рассказы М.О. Ауэзова, Б. Майлина, ночные сцены романов А. Нурпейсова «Долг» и «Последний долг».

«Рассматривая описание природы в литературе в аспекте исторической поэтики, – отмечает исследователь Н.О. Джанышбеков, – следует различать естественное присутствие пейзажа в фольклоре, литературной архаике (человек жил среди природы и не мог не изображать ее, но при том он одухотворял природу и не отделял от нее себя) и рождение эстетически самоценного пейзажа в связи с развитием личности» /1, 16/.

Учеными давно замечено, что образ ночи, явлений и событий, связанных с ней, занимает в древнетюркской и казахской литературе значительное место. Это, в первую очередь, связано со степным образом жизни, календарными обрядами и праздниками, связанными с луной и звездами, с огромным количеством мифологических сюжетов, архетипически одухотворяющих те или иные персонажи, образ их мыслей и действий в литературе.

Большое значение уделяет ночному пейзажу и мастер природных зарисовок М.О. Ауэзов, который посредством пейзажа создает особое настроение героев, тонко воссоздает их душевное состояние в момент наивысшего напряжения.

Следует отметить, что в современной казахской литературоведческой науке не так много работ посвящено исследованию специфики и функции пейзажа в творчестве М.О. Ауэзова, а собственно ночному пейзажу, при его особой функциональности и глубинных связях с фольклором и обрядом, совсем не уделено внимания.

В казахской художественно-литературной традиции пейзаж зачастую выступает в форме психологизма, создавая необходимый настрой восприятия текста, ярче высвечивает внутреннее состояние героев, подготавливает читателя к изменениям в их жизни.

Функции ночного пейзажа в романе-эпопее М.О. Ауэзова «Путь Абая» не только многообразны, но и чрезвычайно активны, содержательно наполнены.

Вот как ночной пейзаж в романе-эпопее раскрывает первые, самые задушевные картины восприятия природы, предшествующие великой любви двух сердец: юного Абая и его возлюбленной Тогжан.

Такое традиционное восприятие лунной ночи, ночной прохлады, довольно часто встречается на страницах знаменитого произведения и в системе развития сюжета несет многообразные функции. Так, образ луны и лунной ночи сопровождает все тайные встречи Абая и Тогжан, да и других влюбленных в романе:

Оригинал: «Айдың әлсіз ақ сөулесінен туғандай, бу мен нұрдың тыптыныш шағынан пайда болғандай жігіт келді. Файыптан пайда болған қиял жасы – түн жігіті, әнмен таласып, өзі де әндей бол келген сияқты» /2, 97/.

А. Никольская: «Жигит явился внезапно, словно призрак, сотканный из тумана и лунных лучей, – стройный, на светлом коне, с соилем, посеребренный луной. Казалось, он возник из неясного белого света, разлитого над долиной, словно вызванный оттуда песней» /3, 371-372/.

А. Ким: «Молодой стройный джигит-красавец на буланом коне, с белым соплом в руках, словно выехал к ним прямо из рассеянного по ночным туманам лунного сияния» /4, 108/.

Здесь функция пейзажа полифункциональна: она представляет собой сложную систему взаимосвязанных особенностей, затрагивающих всю ткань повествования:

1. Эта картина создает ощущение зыбкости и нереальности любимого образа, зыбкость возникшего из неясного лунного света юноши становится зыбкостью мечты самой героини;

2. Эта зарисовка свидетельствует о романтической натуре влюбленной героини, ее светлых устремлениях; образ Оралбая словно сотканный из лунного света, создан ее воображением, ее ожиданием и любовью;

3. Сам образ восходит своими корнями к представлению о духах, мифологических героях-батырах;

4. Картины природы пробуждают в читателе светлое эстетическое чувство, особое настроение, способствующее пониманию внутреннего мира героев литературного произведения. Луна сопутствует играм, которые затеяли девушки из аула Коримбалы.

«Данная картина не однозначна, — пишет Ж.К. Каракузова, — воспринимается во многих аспектах, по-разному освещая, дополняя одно и то же событие. Сплав, ограниченный и неразрывный, традиционного и новаторского характерен для ауэзовского восприятия природы» /5, 108/.

Слияние джигита с лунной ночью в эпопее — не единичный пример.

Так, появление Абая ночью в ауле Тогжан повторяет в той или иной степени сходство его с лунной. Кстати, этот поэтический прием сопоставления полностью восходит к образно-эстетической системе самого поэта Абая и искусно использован писателем М.О. Ауэзовым:

Оригинал: «Абай мен Ербол тез келмек боп бұрыла берді. Ақжал ат бұған шейін шыдамсызданып, он аяғымен жер тарпып, тізгінің соза түсіп, қозғалақтап түр еді. Қазір де бір рет көлбен етіп, бұлан берді де, сумандай жөнелді. Үстіндегі күміс тұрмандары айға қарсы жарқ етіп барып, сөне берді. Ақжал аттың құлте құйрығы да ай астында күміс ағын төгілгендей жалт етті. Енді ирендей түсіп, бұлдырлап, ұзап барады. Тоғжан алтыбақаның бір ағашына кеп үндемей сүйеніп, жым-жырт тұрып қапты» /6, 272/.

А. Никольская: «Друзья тронули коней, дав обещание сейчас же вернуться. Белогривый конь Абая, который нетерпеливо крутился под ним ирыл землю копытом, плавно понесся вперед. Серебро седла и уздечки, блеснув в лунном свете, тускло замерцало, угасая вдали. И, переливаясь в голубоватых лучах, серебряной струей сверкнул пышный, волнистый хвост белогривого коня. Ночной мрак поглотил всадника, Тогжан продолжала стоять молча, прислонясь к качелям» /3, 231/.

А. Ким: «Джигиты тронули коней. Белогривый иноходец Абая, застоявшийся на месте и нетерпеливо рывший копытом землю, рванулся с места и пошел плавным, ровным ходом. Начищенная серебряная сбруя на нем сверкнула в лунном сиянии и померкла в темноте. Высокий всадник на светлом коне удалялся, постепенно сливаюсь с мглой ночи, и только белый, пышный хвост его еще светился, отражая лунный свет.

Подойдя к качелям, Тогжан прислонилась к столбику и замерла, склонив голову» /7, 349/.

Та же зыбкость изображения образа любимого человека героиней, но на первый план тут выступают совсем явственно световые анималистические черты, детали, явления и даже элемен-

ты: так, мы можем выстроить весь лунно-световой — «белогривый иноходец», «начищенная серебряная струя сверкнула в лунном сиянии», «высокий всадник на светлом коне», «белый пышный хвост коня еще светился, отражая лунный свет» — противопоставленные «меркнущей темноте», «мгле ночи».

Особенно предметно и ярко в лунном свете проявляются детали конского снаряжения и белый «пышный, волнистый хвост» убегающего в ночную темноту белогривого коня. Заметим, что образ белого коня и яркий свет луны взаимно дополняют и обогащают друг друга, противопоставленные мраку, ночи.

Такая быстролетность встреч также имеет своим сюжетным подтекстом трагическую неосуществимость желаний, воплощенных в горестном рассуждении Тогжан:

Оригинал: «Ай батқандай қылды да, адастырып кетті ғой!» /6, 233/.

А. Никольская: «Лунным лучом блеснул он — и пропал. Я осталась во мраке» /3, 204/.

А. Ким: «Словно заблудившийся в безлунную ночь — он исчез» /7, 303/.

Образ лунной ночи, как видим, соотносится со счастливыми встречами Абая с Тогжан, Оралбая с Коримбалой.

Центральным структурным элементом образа ночи в романе эпопее становится луна. Иногда писатель дает ее простое описание через олицетворение, придавая ей антропоморфные черты. Тогда луна становится словно живой. Но такой ее видят Абай, который сам, как и луна во мраке ночи, соотносится со светом во мраке сурового средневековья.

Вот пример этому:

Оригинал: «Анық Тоғжан жары осы. Бірак, жана түсінде көрген сияқты, ертерек құндеғі үлбіреп түрған жас Тоғжан. Ең алғаш сол сағатта Сүйіндік үйінде, көктем кешінде, Түйеөркеште көрген сол сұлулы. Қайран, ғажап хал үстінде жана туған ай көрді. Бұрынғы сүйікті айдын, қайта жанғырып, айнымаған тұлғасымен қайта айналып келіп, тірлік аспанынан, өзіне сай оқшау орнын алғанындар» /2, 39/.

А. Никольская: «Да, это была вторая Тогжан, единственная любовь Абая, такая, какой была в юную пору, какой он видел ее сейчас во сне — во всей своей красоте, так поразившей его в тот далекий счастливый вечер в доме Суюнтика на Верблюжьих горбах... Ему казалось, что перед ним взошла молодая луна. Обновленная, но сохранившая прежний облик, она вернулась, чтобы единственной несравненной взойти на небе его жизни» /3, 330-331/.

А. Ким: «Перед Абаем явилась из иного мира бесподобная степная красавица, которую впер-

ые увидел он в доме бая Суюндика, в весеннюю пору, у горы Түйеоркеш. Как будто время и пространство той далекой любви смогли силой лунного волшебства переместиться, перенестись - и предстать заново в ином месте, в другом времени. И чудесно сошлись здесь три Тогжан — та цветущая, юная, которая впервые встретилась Абаю, и нежная, страстная Тогжан из недавнего сна, и эта молоденькая красавица из затерянного горного аула» /4, 43/.

В разных фрагментах русских переводов мы можем встретить этот образ луны, но у А.Б. Никольской этот образ более живописен и полон, она употребляет всю художественно-образную систему, имеющую своей целью воссоздать целостность абаевского мировосприятия любви и ночи. Она использует такие метафорические об разные действия, как «взошла молодая луна», «обновленная...она вернулась, чтобы единственной несравненной взойти на небе...». Луна во всем пространстве эпопеи — носитель светлого во мраке, хотя в зависимости от времени суток она, уже в качестве художественного образа, средства, способна передавать тончайшие оттенки и переживания героя или героини.

Вот, например, совсем иное состояние, окрашенное светлой грустью, мы видим в следующем фрагменте, когда юный поэт радуется и грустит, весь переполненный романтическими чувствами. И здесь луна имеет совсем иную функцию:

Оригинал: «Орталап қалған ай батысқа таман сызылып барады. Биік те алысқа тартып барады. Жүректі де реніштен, лайдан құтқарып, сондай-лық биікке, қазіргі бұлтсыз аспандай алысқа, тазалық рақатқа шакырып, жыракқа мензейді.

Түйеөркештен Шыңғыстың жақын биіктегі жартылап кана көрінеді екен. Қарақошыл таулар йі астында көкшіл мұнарга оранып, жымжырт қалғып тұр. Тау жактан ақырын ғана жел желтінеді.

...Абай мынадай көктем түнінен соншалық бір тазалық сезіп, таң лебін танығандай. Бұның жүрегі әдейі арналған таң лебін ерекше үғынып сезінгендей /6, 147/.

А. Никольская: «Луна была на ущербе. Она медленно подымалась к зениту, недоступно высокая, упльывающая вверх. Она манила и сердце туда, в высоту, ясную и безоблачную. Лунный свет проникал в душу и наполнял ее радостью и грустью.

С Верблюжьих горбов виднелись отроги Чингиза, Лохматые горы, посеребренные лунным светом, замерли в неподвижной дремоте.

...В свежем дуновении весенней ночи Абай почувствовал приближение утра, необычайного, прекрасного, которое должно наступить только для него одного...» /3, 138-139/.

А. Ким: «Месяц, достигший половинной своей зрелости, медленно плыл с востока на запад. Месяц поднимался ввысь — и упывал вдали. Словно звал плыть вместе с собою — обещая избавить сердце человеческое от всех обид и тревог, утешить его, очистить от всякой земной грязи и в безоблачных просторах открыть ему небесное блаженство.

От становища Түйеоркеш зубчатые вершины Чингиза видны лишь наполовину. Погрузившись в густую синюю мглу наступившей ночи, близние холмы предгорья высится черными громадами. Со стороны уснувших гор веет таинственный ночной ветерок.

...В этой свежей весенней ночи Абаю представляется совсем близким наступление утра. Словно не достало времени для глухой долгой ночи. И эта ночь, проникнутая дыханием и свежестью утра, казалась Абаю предназначеною только для него одного, для его радости...» /7, 191-192/.

Права исследовательница, которая говорит, что в этом фрагменте «луна напоминает Абаю «утро любви», приближение первого чувства. В приведенном примере пейзаж неотделим от чувств, переживаний героев» /5, 109/.

В дальнейшем можно заметить, что образ луны все сильнее и сильнее ассоциируется у Абая с образом любимой: «Милая моя... Полная луна моя... Пусть прервется дыхание мое, лишь бы не закатилась моя луна...».

Поразительно свежо играет сильно затертый во всей восточной литературе образ луны в момент долгожданной встречи центрального героя со своей любимой девушкой. Мастерство художественного приема объясняется динамикой и ясной, конкретной изобразительностью казахской национальной символики:

Оригинал: «Өзгеше көрініс, лезде бұлт сөгіліп, сұлу айды жарқ еткізгендей болды» /6, 188/.

А. Никольская: «Казалось, сумрачное небо, висевшее над ним все это время, вдруг разорвав тучи, открыло за ними сверкающую луну, поражающую спокойной красотой» /3, 167/.

А. Ким: «И вдруг мгновенная, яркая, совсем иная картина вспыхнула перед его глазами; словно, прорвавшаяся сквозь ночные тучи, слепящая луна залила своим светом все уголки этой картины» /7, 246/.

Во всех приведенных случаях можно отметить высокое качество художественных переводов, сделанных А.Б. Никольской и А. Кимом.

Образ луны не только ассоциируется с образом любимой девушки, но так же может передавать мотив грусти, беспредельного одиночества человека, исполненного тоски по любимой. Так

или иначе, с большей или меньшей интенсивностью он связан с изначальным образом Тогжан:

Оригинал: «Аздан соң ай туып, аса бір тынық жым-жырт, жайлы түн жылжып келді. Ақ дала, алыс адырлар женіл, кекшіл тұманға батып, түн жібегін оранғандай. Момын, сүрғылт, елсіз дүние мүнға бейім. Биік көк жапанда жалғызы жүзген жұдеу ренді жарты айға қарап, Абай күрсініп қояды» /6, 268-269/.

А. Никольская: «Взошла луна. Наступила тихая, спокойная ночь. Ширь степи, холмы и предгорья дремали в голубоватом тумане, точно укутанные шелковою пеленою ночи. Мир был овеян тихой, безмолвной грустью. Когда Абай взглядал на луну, одинокую, тоскливо плывущую по небу, еле слышный вздох вырывался из его груди» /3, 228/.

А. Ким: «Взошла луна. Стояла ночь тихая, спокойная, просторная. Вершины предгорий затянулись сиреневым туманом, словно набросили на себя шелковые покрывала ночи. Замерший, простианный, тихий мир ночи был наполнен беспрепредельной грустью. И глядя на половинную долю новой луны, Абай непроизвольно вздыхал - печально, глубоко» /7, 345/

Следует заметить также, что до описания встречи с Тогжан, природа, изображенная писателем, наполнена эстетикой и философией, так органично воссоздающими будущий грандиозный мир поэта-мыслителя.

Так, бескрайняя синь неба, ширь степи навевают мысли о бесконечности мироздания, вели-

чественности всего сущего и неизведанности любви. Лишь впоследствии первая романтическая любовь займет центральное место в жизни юного поэта и станет одним из ведущих мотивов его борьбы и веры в прекрасное.

Так, «философия природы, поэтика природы раскрываются в эволюционном и диалектическом развитии» /1, 6/, когда от простого элемента в структуре природного изображения действительности писатель приходит к большим обобщениям, раскрытию личной драмы великого поэтического сердца.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джусанышбеков Н.О., Джсандалиева Г.К. Пейзаж, природа, экосфера: Учебное пособие. – Алматы: Қазақ университеті, 2002. – 190 с.
2. Әуезов М. Абай жолы. Роман-эпопея. Екінші кітап. Абай. – Алматы: Жазушы, 2003. - 431 б.
3. Ауэзов М. Путь Абая. Перевод под ред. Л. Соболева. – Алма-Ата: Жазушы, 1987. - 605 с.
4. Ауэзов М. Путь Абая. Книга вторая. Перевод А. Кима. – Алматы: Жибек жолы, 2007. - 452 с.
5. Каракузова Ж.К. Стилистическое единство оригинала и сохранение его в переводе с казахского языка на русский (на материала романа-эпопеи М. Ауэзова «Путь Абая»). - дисс. на соиск. уч. степени канд. фил. наук. - Алматы, 1984. - 156 с.
6. Әуезов М. Абай жолы. Роман-эпопея. Бірінші кітап. Абай. – Алматы: Жазушы, 2003. - 366 б.
7. Ауэзов М. Путь Абая. Книга первая. Перевод А. Кима. – Алматы: Жибек жолы, 2007. - 468 с.

Резюме

М.Әуезовтің «Абай жолы» эпопеясын орыс тіліне аудару мәселелері карастырылады.